

НОВАЯ ОЛЬВИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАСКОПОК 1951 г.

В 1951 г. при раскопках ольвийской агоры было найдено несколько обломков мраморных плит с греческими надписями. Разбитые еще в древности, они дошли до нас в крайне фрагментарном состоянии. Счастливым исключением является только одна плита, предварительная публикация которой и является задачей данной статьи. Сохранилась верхняя часть с левым углом и неполными 18 строками текста. Плита была украшена фронтоном с тремя акротериями, из которых уцелел лишь средний; в тимпане помещено изображение двух рельефных венков. Фронгон, на 4—4,5 см выступающий из плоскости плиты, как бы опирается на пилястры, обрамляющие с двух сторон надпись. Сохранился частично левый пилястр; следы капители правого пилястра в виде наискось идущей врезанной линии отчетливо видны на нижней части карниза фронтона. Они позволяют с точностью определить первоначальную ширину всей плиты и ширину пространства, отведенного под надпись. Скол плиты идет наискось — справа налево, вследствие чего длина сохранившихся верхних строк значительно превосходит длину нижних. Размеры плиты: высота плиты с фронтоном — 54 см, шир. — 57 см, толщина плиты (центральное поле) — 4,5 см, у пилястра — 8 см. Высота фронтона с акротерием — 18,6 см, тимпана — 7,3 см. Диаметр венков — 6,2 см. Надпись занимает пространство шириной сверху 45 см, внизу — 22 см, высотой — 31 см. Можно предположить, что в целом виде ширина плиты с пилястрами была равна 60 см, центрального поля с надписью — 50,4 см, ширина фронтона (с карнизом) 63 см.

Плита высечена из белого мелкозернистого мрамора; почти вся поверхность ее покрыта плотным известковым налетом¹. Лицевая поверхность была обработана довольно тщательно, верхняя и боковые носят следы долота. Задняя сторона грубо отесана; очевидно, плита была вставлена в какую-то кладку или нишу.

Надпись вырезана очень тщательно, строки ровные, буквы глубоко вдаются в мрамор; высота их 1—1,2 см. Наблюдения над характером письма позволяют высказать соображения о времени изготовления плиты. Вполне определенный и выдержанный характер надписи указывает на III в. до н. э.² Большинство букв имеет еще форму, встречающуюся и в надписях IV в. до н. э. Так, омега везде изображена с почти параллельно-вытянутыми линиями, сигма — с раскосыми верхней и нижней чертами, пи — с укороченной правой вертикалью и не выходящей за пределы вертикали горизонтальной чертой; ранние начертания имеют и формы Ξ, Μ, Ν.

Несмотря на это, однако, следует отметить, что начертания отдельных букв не везде строго выдержаны. Так, сигма в строке 9 (в слове *τάξεις*), в строке 11 (*ἀσθεν...*), в строке 16 (*δπως*) и др. имеет уже почти параллельные черты, Ε — большую частью укороченную среднюю горизонтальную черту, Ο и Θ мельче остальных букв, что также характерно для более позднего времени. Кроме того, некоторая изогнутость линий вообще, а главное — украшения букв в виде поперечных штрихов на концах, которые появляются обычно во второй половине III в. до н. э., заставляют относить надпись не к началу III в. до н. э., а ко времени, близкому середине этого века.

Сохранившаяся часть текста прекрасно читается. Перед нами почетный декрет ольвиополитов в честь сыновей херсонесца Аполлония, в свое время также оказавшего большие услуги городу. Декрет составлен по обычной схеме почетных постановлений, хорошо известной по памятникам Аттики и Малой Азии и по надписям

¹ Это объясняется тем, что плита лежала близко от дневной поверхности; она была обнаружена сразу по снятии гумусного слоя.

² В целом декрет написан правильным языком; небольшие отклонения замечаются в передаче отдельных слов, так, например, *ύεϊς* вместо *υιέϊς*; в слове *έποϋσατο* пропущена иота, в слове *έκκλησία* — вторая капша.

Северного Причерноморья. Трафаретность формулировки первоначальных строк и строк, близких к концу, позволяет с большой долей вероятности предлагать их дополнения, но наиболее интересная и важная часть декрета, где перечисляются заслуги сыновей и их отца, не может быть восстановлена с той же ясностью. В настоящей публикации, не претендующей на исчерпывающую полноту, мы воздерживаемся от дополнений этой части, смысл которой, в целом, более или менее ясен. Текст надписи транскрибируется следующим образом.

1.	"Ἐδοξε βουλῆι καὶ δήμῳι, οἱ σύνεδροι εἶπαν· ἐπειδὴ Ἄπ[ολλώνιος] Εὐφρόνεος Χερσονησίτης πολλὰ καὶ μεγάλα εὐεργ[έτησαν τὴν] πόλιν, ὑπὲρ ὧν ὁ δῆμος, ἀποδιδούς χάριν εἰκόνη καὶ ταῖ[ς] ἄλλαις] τιμαῖς, ἐστεφάνοκεν αὐτόν, οἱ τε ὑεῖς οἱ ἐκείνου Ἄ[πολλόδωρος]	1
5.	καὶ Ἄπολλώνιος καὶ Εὐφρόνης, διαδεξάμενοι[παρὰ τοῦ πατρὸς] προαίρεσιν, πᾶσαν εὐνοίαν εἰς τὰ συμφέρον[τα τῷ δήμῳι] ἀποδεικνύμενοι διατελοῦσιν καὶ ὀφεί..... χρυσῶν τρισχιλίων, οὓς ὁ πατήρ συ..... ἀποδόσεως τάξεις ἐπόγασατο, τοῦ[ς].....]	5
10.	κασιν τῆι πόλει τῶν δὲ καταλειπομ[ένων]..... χρόνους καὶ διὰ τὴν κοινὴν ἀσθέν[εϊαν]..... δην συντεταγμένοι εἰσι(ν) δεδόχ[θαι βουλῆι καὶ δήμῳι ἐπαινέσαι] τοὺς Ἄπολλωνίου ὑεῖς καὶ στε[φανῶσαι αὐτοὺς χρυσῶι στεφάνωι:] τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆ[ναι ὑπὸ τοῦ κήρυκος]..... ἐν]	10
15.	τῆι ἐκ(κ)λησίαι ἀναγγελθῆναι δε[..... τοῖς Διονυσίοις (?)] ἐν τῷ θεάτ[ρῳ], ὅπως δὲ καὶ ἡ ἀποδοσ..... νηται ὑποκεῖσθαι ἀ[ῦ]τ..... σ]άμε[ν]..... υ]βί[ο]υ.....]	15

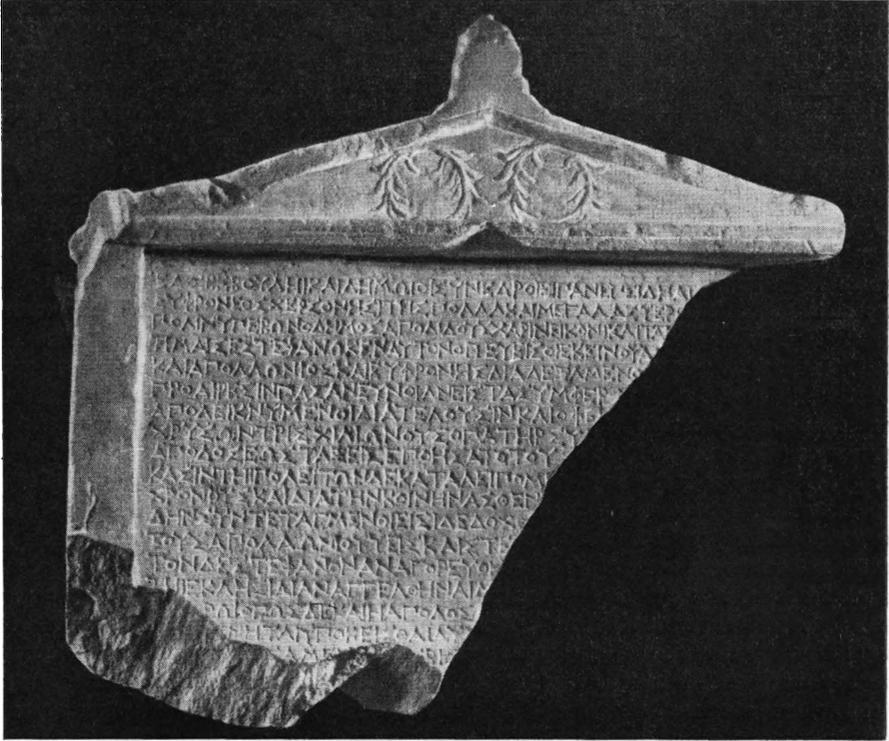
Имя херсонесца, отцом которого был Евфрон, в первой строке легко восстанавливается по строке 13-й, где говорится о сыновьях Аполлония. Труднее восстановление имени в конце 4-й строки, от которого сохранились всего две первоначальные буквы ΑΠ. Оно может быть дополнено двояко, так как не вполне ясно, идет ли речь в декрете о трех или о двух сыновьях Аполлония. Исходя из общего контекста, следовало бы ожидать сразу после фразы οἱ τε ὑεῖς οἱ ἐκείνου перечисления имен сыновей, что как будто бы согласуется и с последующим καὶ перед первым сохранившимся именем сына. В таком случае ΑΠ.. может быть дополнено, как Ἄπολλόδωρος, Ἄπολλωνίδης и др. и тогда следует признать, что декрет составлен в честь трех сыновей Аполлония. Но изображение двух венков в тимпане фронтона указывает как будто бы, что речь идет об увенчании двух, а не трех лиц. В таком случае можно предположить, что начальные буквы ΑΠ.. четвертой строки принадлежат имени отца, повторенного еще раз после безличного местоимения ἐκεῖνος. Впрочем, последняя конструкция фразы менее вероятна.

Имя Аполлоний очень распространено в Греции и в Северном Причерноморье. В Херсонесе это имя часто носят должностные лица, как, например, магистрат III в. до н. э. (IOSPE, I², 341), номофилак II в. до н. э. (IOSPE, I², 351), архонт и должностное лицо римского времени (IOSPE, I², 359), жрец (IOSPE, I², 384) и др. Предлагаемые предположительно имена Аполлodor, Аполлонид также встречаются в надписях Ольвии и Херсонеса. Имя Εὐφρόνης было, очевидно, очень редким в Греции, поскольку оно не зарегистрировано ни в словаре Папе-Бензелера¹, ни у Бехтеля-Фика². Довольно обычно в Греции близкое ему имя Εὐφρόνιος и Εὐφρων. В надписях Северного Причерноморья имя Εὐφρόνης, насколько

¹ A. A. Pape, Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Auflage, neu bearbeitet von Dr. G. E. Benseler. Брауншвейг, 1863—1870, т. I.

² F. Bechtel und Fick, Die griechischen Personennamen. 2 Auflage, Göttingen, 1894.

нам известно, также встречается впервые. До этого в ольвийском каталоге граждан имелось имя Εὐφρόνιος¹. Имя Εὐφρων упоминается среди имен горгишийского списка.² В Херсонесе и на Боспоре отсутствуют даже сходные имена. Для восстановления конца второй строки примером могут служить аттические декреты, например, афинский декрет конца IV в. до н. э. в честь Еврилоха³. Конец третьей строки может быть дополнен, как ἄλλαις πρώταις τιμαῖς или μεγίσταις; по количеству букв в строке, которое в среднем равняется 50, первые определения более подходят. Восстановление пятой строки мы даем по декрету в честь Протогена⁴. В конце 13-й

Новая ольвийская псефисма

строки, после слов об увенчании, следует ожидать указание награды; формулировка... καὶ στεφανῶσαι ἕκαστον αὐτῶν χρυσῶι στεφάνωι...⁵ или просто ...στεφανῶσαι χρυσῶι στεφάνωι ..., στεφανῶσαι αὐτοὺς... обычна в почетных декретах⁶. О том, что объявление должно было произойти в театре (строки 15—16), я допускаю по сохранившейся части верхней перекладины от Т перед окончанием слова ...ρωι. Обычай обнародования наград в театре был настолько распространен в древнем мире, что можно привести бесконечное число примеров этому из декретов Аттики и Малой Азии⁷. Очень часто объявление происходило во время Дионисий. И среди ольвийских

¹ IOSPE, I², № 201, 1, 34.

² IOSPE, IV, № 43, A 1,44; B 1, 35, 54.

³ ... πολλὰ καὶ μεγάλα εὐεργέτησαν... (Ch. Michel, Recueil d'inscriptions grecques, Paris — Bruxelles, 1900—1927, № 1472).

⁴ IOSPE I², 32, строка 8.

⁵ Michel, № 504. Декрет сер. III в. до н. э.

⁶ Michel, № 503. Декрет 274 г. до н. э. См. еще № 491 и др.

⁷ Например, Michel, № 455, 468, 491, 365 и др.

надписей имеется аналогичный случай, когда о заслугах Каллиника было оповещено в театре во время Дионисий (IOSPE, I², 25).

Исходя из вышеизложенного дополнения, мы предлагаем следующий перевод начальных и конечных строк надписи.

Перевод

«Совет и народ постановил, синедры предложили. Так как Аполлоний, сын Евфрона, херсонесит, оказал много больших услуг городу, за что народ, воздавая благодарность, наградил его венком, изображением и другими почестями, и сыновья его — Аполлодор, Аполлоний и Евфрон, унаследовавшие от отца образ действий, всяческую благосклонность во (всем) полезном для народа постоянно выявляют¹... да постановит совет и народ восхвалить сыновей Аполлония и увенчать их золотым венком, о награде же провозгласить через глашатая... в народном собрании, объявить... [во время Дионисий?] в театре...».

Итак, декрет был издан, по предложению синедров, советом и народом ольвиополитов в честь сыновей херсонесца Аполлония, сына Евфрона. Изложение мотивов награды начинается с упоминания о заслугах их отца, который еще ранее был награжден венком, изображением (статуей или бюстом) и другими почестями. Заслуги эти были, очевидно, значительны, так как если венок являлся обычной формой отличия, изображение за счет города было довольно редким явлением². Начальные строки надписи напоминают текст декрета в честь Протогена, где также вначале упоминаются заслуги его отца, а затем следует описание деятельности самого Протогена, причем переход от одного предложения к другому дан частицей τε (IOSPE, I², 32). Та же частица служит связующим звеном к предложению, рисуящему мотивы награды сыновей Аполлония. Унаследовав от отца его образ действий, они совершили много полезных дел для народа. Дальнейший контекст, в котором упоминаются 3 тыс. золотых, не совсем ясен. В какой связи приводится эта большая сумма? Употребление глагола ὀφεί[λω] (?)³ или слов производных от него, а также существительного ἀπόδοσις (начало 9-й строки) указывает, что 3 тыс. золотых являлись суммой, очевидно, owed городу. Сумма эта была, повидимому, предоставлена еще ранее отцом, судя по фрагментарно сохранившемуся контексту строки 7-й декрета. Включение ее в текст мотивировки свидетельствует, что город был каким-то образом обязан и сыновьям Аполлония, оказавшим услуги Ольвии в продлении срока выплаты или в способах погашения этой суммы долга.⁴ Примеры материальной помощи отдельных граждан полисам хорошо известны как для городов Северного Причерноморья, так и вообще для Греции. Данное упоминание представляет большой интерес с той точки зрения, что оно свидетельствует об экономических затруднениях, которые испытывала Ольвия во время, близкое изданию документа. Далее имеется уже прямое указание на трудное время, переживаемое городом вследствие общей слабости (διὰ τὴν κοινὴν ἀσθενείαν). Ввиду перечисленных заслуг народ ольвиополитов постановил наградить сыновей Аполлония золотыми венками, о награде же объявить с подобающими почестями через

¹ Я склонна понимать причастие ἀποδεικνύμενοι, как предикативное, которое в соединении с глаголом διατελέω часто переводится личной формой глагола, тогда как διατελέω переводится наречием «постоянно».

² Среди ольвийских декретов только в четырех, относящихся к более позднему времени, сказано о присуждении награды в виде изображения (IOSPE, I², №№ 25, 34, 67, 63 (?)).

³ В конце 7-й строки сохранились лишь 4 начальные буквы.

⁴ См. декрет Протогена, IOSPE, I², 32, В, стр. 85 сл. (...ὀφειλομένων αὐτῶν καὶ τῶι πατρὶ...).

глашатая в народном собрании. Заключительная формулировка, начинающаяся с *ἄνωγς*, сохранилась крайне фрагментарно. Возможно, что вслед за ней следовало еще постановление о написании декрета на мраморной плите и было указано место, на котором полагалось его выставить.

Уже из вышеизложенного ясно большое значение вновь найденного документа не только для истории Ольвии, но и других городов Северного Причерноморья, в особенности Херсонеса. Для понимания описываемых в декрете событий необходимо прежде всего установить время его обнаружения. К сожалению, никаких данных для выяснения этого вопроса сохранившаяся часть текста не содержит, и поэтому приходится ограничиться выводами, которые дал палеографический анализ. Как указывалось выше, надпись может быть отнесена к III в. до н. э. Таким образом, вновь найденный декрет показывает, что около середины III в. до н. э. город, очевидно, переживал экономический и политический кризис, подобный тем, которые не раз испытывали рабовладельческие полисы в силу противоречивого хода их развития. Трудное положение заставило город принять денежную помощь от херсонесца Аполлония и его сыновей.

Таким образом, на основании новых эпиграфических материалов ольвийской агоры все более и более отчетливо выступают тесные связи Ольвии с Херсонесом. Напомним, что до находки в 1949 г. декрета о проксении в честь херсонесца Дионисия, сына Тагона¹, мы располагали лишь фрагментами проксений из Херсонеса III—II вв. до н. э., в которых имелось упоминание Ольвии. На торговые связи этих городов указывал еще один декрет ольвиополитов, который был найден в Херсонесе; но отсутствие имени и этникона чествуемого лица, выскобленных еще в древности, помешало в свое время В. В. Латышеву считать эту проксению данной гражданину Херсонеса². Декрет в честь сыновей Аполлония, в котором упоминаются и многочисленные заслуги последнего, свидетельствует не только о длительности связей Ольвии с Херсонесом, но и о прочности их в III в. до н. э. Следует подчеркнуть, что впервые херсонесцы чествуются в связи с услугами, не касающимися торговых отношений, а за денежную помощь, оказанную ими Ольвии в трудное для города время.

К сожалению, сохранившийся текст декрета не позволяет решить вопрос: были ли Аполлоний и его сыновья херсонесцами, уже давно жившими в Ольвии, или они являлись представителями Херсонеса, недавно прибывшими в город. Упоминание о целом ряде услуг, оказанных Аполлонием и его сыновьями городу, свидетельствует как будто бы о продолжительности их пребывания среди ольвиополитов. Не исключена возможность наличия политического союза между Ольвией и Херсонесом. О договорах, заключенных Херсонесом с отдельными городами примерно в интересующий нас отрезок времени, известно из декрета в честь Сируска (IOSPE, I², 344). Принято считать, что в последнем постановлении речь может идти только о городах южного побережья Понта³. Но в свете новых эпиграфических материалов, вырисовывающих все отчетливее дружественные отношения Ольвии с Херсонесом, быть может, следует включить и Ольвию в число городов, подразумеваемых в декрете Сируска. Возможно, что Аполлоний в свое время и прибыл в Ольвию в силу существовавшего союза, а затем обосновался в городе; сыновья его могли, в сущности, быть уже «ольвиополитами». Можно даже поставить вопрос, не в связи ли с этим в надписи подчеркивается лишь этникон самого Аполлония.

Кроме этих данных, представляющих безусловный интерес для всего Северного Причерноморья, привлекает внимание упоминание в надписи синедров. До сих пор

¹ ВДИ, 1951, № 1, стр. 142 сл.; Л. М. С л а в и н, Древний город Ольвия, Киев, 1951, стр. 84.

² В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, X, стр. 1—2.

³ Как полагают, в силу тех оживленных торговых сношений, которые были у Херсонеса с этими городами.

о существовании последних в городах Северного Причерноморья мы имели весьма скудные данные. Ни материалы Боспора, ни материалы Херсонеса не дают указаний на наличие этой должности. Впервые о синедрах Ольвии стало известно из надписи в честь Каллисфена Дадова, найденной Б. В. Фармаковским в 1904 г. (IOSPE, I², 43). На основании этого декрета В. В. Латышев восстановил неясные слова в двух других ранее найденных фрагментах ольвийских декретов, как *συνεδροί*¹. Таким образом, до настоящего времени было известно всего три документа, указывавших на наличие в Ольвии должностных лиц — синедров. Но все вышеперечисленные надписи относились к концу II и III вв. н. э. Декрет в честь сыновей Аполлония свидетельствует, что эта должность имела в Ольвии еще в догетский период — факт, новый в истории государственного устройства Ольвии.

Вопрос о том, каковы были функции синедров, очень сложен и требует специального исследования. На основании того, что синедры встречаются в разное время в греческих союзах и отдельных городах, В. В. Латышев полагал, что их функции были весьма различны. Ввиду фрагментарности ольвийских надписей с упоминанием синедров В. В. Латышев не мог подробнее осветить этот вопрос. Но все же он считал возможным предположить, на основании того, что «в более поздние времена в разных местах словом *συνεδριον* обозначался совет, а словом *συνεδροί* — его члены»... «что и в Ольвии этим именем назывался совет или его специальная комиссия для занятия текущими делами» (ИАК, XIV, стр. 96). В публикуемом нами декрете синедры упоминаются наряду с советом и народным собранием. Таким образом, первое предположение В. В. Латышева должно отпасть, во всяком случае для Ольвии догетского периода. Н. И. Новосадский полагал, что синедры в Ольвии собирались в особо экстренных случаях на строго определенный срок².

В надписях Греции и Малой Азии синедры большею частью выступают, как члены союзного совета в качестве представителей отдельных городов³. Может быть, и в Ольвии, если, как предполагал В. В. Латышев, синедры являлись членами особой комиссии для занятия специальными текущими делами, они входили в нее как представители других городов. Осветить это положение могут только новые эпиграфические находки.

Остановимся еще на одном моменте. Так как восстановление слова *θέατρον*, по нашему убеждению, не должно вызывать сомнений, текст декрета дает новый материал, подтверждающий, что в Ольвии имелся театр, в котором оглашались особо почетные народные постановления. Сведения о театрах в городах Северного Причерноморья крайне скудны. До настоящего времени о театре упоминалось лишь в одной из надписей Ольвии IV в. до н. э. — в честь Каллиника. О существовании театров на Боспоре известно только из рассказа Полиэна. Не удалось пока обнаружить остатков театров и при археологических работах. Тем больший интерес представляет еще одно указание на существование в Ольвии театра.

Новая ольвийская надпись, доставляющая ценные сведения об экономическом положении города в III в. до н. э. и о дружеских связях Ольвии и Херсонеса, представляет большую историческую ценность. Она может быть причислена к ряду значительных эпиграфических памятников Северного Причерноморья.

Следует отметить условия находки плиты. Декрет был найден при исследовании той части агоры, которая расположена вблизи от входа на площадь и вблизи прохождения главной уличной магистрали. На этом же участке, на сравнительно еще мало исследованной площади, были найдены еще девять незначительных фрагментов греческих надписей, высеченных на мраморе. Большинство из них относится

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из Южной России, ИАК, XIV, стр. 94 сл.

² Н. И. Н о в о с а д с к и й, Греческая эпиграфика, М., 1915, стр. 218.

³ P. W. R E, s. v. *Συνεδριον*, стб. 1333 сл.

к III—II вв. до н. э.¹. По всей вероятности, данная территория служила в это время местом, где выставлялись почетные постановления. Если вспомнить при этом, что и в других местах площади за истекшие пять лет ее исследования были найдены обломки надписей, как, например, вышеупомянутый декрет о проксемии в честь херсонесца Дионисия, сына Тагона, лежавший на дне общественного водоема, обломок посвятельной надписи Полимеда за брата² и другие мелкие обломки, не остается сомнений, что дальнейшее планомерное раскрытие ольвийской агоры обогатит нас новыми письменными источниками, которые вскроют еще не одну страницу из истории античных городов Северного Причерноморья.

Е. Леви

ПЕРИСТИЛЬНЫЙ ДВОР ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ В ОЛЬВИИ

(Из работ Ольвийской экспедиции 1951 г.)

Во время работ Ольвийской экспедиции 1951 г. было возобновлено исследование территории римской цитадели — укрепленной южной части города.

Основные работы проводились здесь Б. В. Фармаковским в 1904—1906 гг.; они представляют определенную часть планомерных исследований, имевших целью сначала «определение точных границ древнего города, установление общего значения отдельных частей территории города..., определение главных магистралей города», затем — «систематическую раскопку тех частей, исследование которых было бы по-чему-либо особо важным, необходимым и интересным»³. В число задач, намеченных планом Б. В. Фармаковского уже в самом начале его раскопок, вошло исследование южной части Ольвии, ограниченной с севера так называемой «Первой поперечной балкой», с запада — «Заячьей балкой», с востока — склоном к лиману Буга. Вопрос о значении данной части был в главных чертах решен уже исследованиями 1904—1906 гг.: этот район являлся не «акрополем, бывшим, может быть, тем древнейшим ядром, вокруг которого потом вырос расширившийся город», а укрепленной цитаделью, построенной здесь во II—III веках н. э. Кроме выяснения общего значения данной части города, работы 1904—1906 гг. важны прежде всего открытием оборонительных сооружений, ограждавших цитадель с западной и с северной стороны; вместе с тем во время тех же экспедиций был найден целый ряд важных памятников, из которых на первом месте стоит серия ценных эпиграфических документов⁴.

Что касается открытых в те годы строительных остатков, то действительно показательны лишь оборонительные сооружения; все же остатки городских построек — домов, улиц, площадей — отличались здесь крайней фрагментарностью, вследствие чего оставался неясным не только общий облик исследуемой части Ольвии, но и характер отдельных зданий.

¹ Исключением является обломок плиты, датированной концом V — началом IV вв. до н. э.

² Т. Н. Книпович, Ольвийская экспедиция, КСИИМК, XXVII, стр. 24. В настоящее время А. А. Белецким подготовлена специальная публикация этого декрета во II томе сборника «Ольвия», который печатается в Киеве.

³ Б. В. Фармаковский, Ольвия, М., 1915, стр. 9.

⁴ Из них особенно интересны надписи, представляющие посвящения Аполлону Простату: см. IOSPE, I², №№ 83, 84, 88, 90, 92, 95, 106, 109.